

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ЛИЦ РУССКИМИ И ТУВИНЦАМИ В ДИСКРИМИНАЦИОННЫХ ЗАДАЧАХ

ХАРИТОНОВ А.Н.*, *Институт экспериментальной психологии МГППУ;
Институт психологии РАН, Москва, Россия,
e-mail: ankhome47@list.ru*

БАСЮЛ И.А.**, *Институт экспериментальной психологии МГППУ;
Институт психологии РАН, Москва, Россия,
e-mail: ivbasul@gmail.com*

АНАНЬЕВА К.И.***, *Институт экспериментальной психологии МГППУ;
Институт психологии РАН; Московский институт психоанализа, Москва, Россия,
e-mail: ananyeva@inpsycho.ru*

ТОВУУ Н.О.****, *Тувинский институт комплексного освоения природных
ресурсов Сибирского отделения РАН, Кызыл, Россия,
e-mail: tovuu@mail.ru*

Наблюдаемые на территории России тенденции к стиранию границ между районами компактного проживания этносов и вселения на территории исконного проживания коренного населения достаточно больших групп представителей других этносов и расовых групп порождают ряд специфических явлений, связанных с межгрупповым восприятием. Нами выполнено сравнительное исследование восприятия и коммуникации переходного ряда «этнических лиц» в относительно изолированных поселениях русских и тувинцев и у представителей соответствующих этнических групп в многонациональных городах. Участники решали две дискриминационные задачи: индивидуально задачу типа АВ=X и распределенную задачу типа «same-different» в общении с партнером. Для всех выборок в задаче АВ = X, максимальная эффективность различения отмечена для одной и той же пары № 2—3 переходного ряда. Это может указывать на то, что все испытуемые более полагаются на морфологические признаки стимульного изображения лица, чем на что-либо другое. Также наблюдается тенденция к сходству в динамике эффективности выполнения заданий в разных группах субъектов, за исключением московской выборки русских. В то же время в диадном эксперименте городские испытуемые показывают различные тенденции с точки зрения эффективности выполнения

Для цитаты:

Харитонов А.Н., Басюл И.А., Ананьева К.И., Товуу Н.О. Категоризация этнических лиц русскими и тувинцами в дискриминационных задачах // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. №. 4. С. 120—141. doi:10.17759/exppsy.2019120410

* *Харитонов А.Н.* Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Институт психологии РАН; ведущий научный сотрудник, Институт экспериментальной психологии МГППУ. E-mail: ankhome47@list.ru

** *Басюл И.А.* Младший научный сотрудник, Институт психологии РАН; младший научный сотрудник, Институт экспериментальной психологии МГППУ. E-mail: ivbasul@gmail.com

*** *Ананьева К.И.* Кандидат психологических наук, доцент, научный сотрудник, Институт психологии РАН; старший научный сотрудник, Институт экспериментальной психологии МГППУ; доцент кафедры общей психологии, Московский институт психоанализа. E-mail: ananyeva@inpsycho.ru

**** *Товуу Н.О.* Доктор психологических наук, главный научный сотрудник, Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения РАН. E-mail: tovuu@mail.ru

задач. Русская выборка из Москвы демонстрирует значительно меньшее снижение эффективности при приближении к краям переходной серии изображений стимулов в задаче АВ=X, но не в диадной задаче. Вероятно, это связано с различным характером задач, и можно легко предположить более развитую способность воспринимать различие между этническими лицами в результате большего их разнообразия в окружающей среде, как в московском мегаполисе, тогда как не имеется оснований предполагать различия в коммуникативных навыках, необходимых для решения дискриминационной задачи в ситуации общения.

Ключевые слова: категоризация, категориальность восприятия, эффект другой расы, дискриминационная АВХ-задача, диадная дискриминационная задача, распознавание лиц, этническое лицо, малые популяции, изолированные регионы проживания.

Введение

В современной России выделяются две разнонаправленные тенденции межэтнического взаимодействия. С одной стороны, наблюдается все более выраженный процесс стирания границ между районами компактного проживания различных этносов и самими этносами, чему способствуют интенсивные перемещения населения, в частности, миграция населения в большие и малые города, участие в функционировании крупномасштабных социальных институтов (строительство, транспорт, армия и т. д.), межэтнические браки и многие другие формы взаимодействия и совместного проживания людей, в которые вовлечены представители разных этнических групп. С другой стороны, вселение на территории исконного проживания коренного населения достаточно больших групп представителей другого этноса часто чревато межэтническими проблемами — от обыденного непонимания нравов и обычаев пришельцев, их намерений и действий, до их неприятия и отторжения, чреватого межэтническими конфликтами. Поиски решения чрезвычайно сложной и многоаспектной проблемы гармонизации межэтнического взаимодействия требуют привлечения новых исследовательских данных, в частности характеризующих особенности восприятия представителей разных этносов по их внешности.

Территория современной России является зоной исконного проживания двух «больших» рас человечества, европеоидной и монголоидной. Лица представителей этих рас носят хорошо выраженные антропоморфологические различия. Это делает их привлекательным объектом для исследований, предметом которых является восприятие человека человеком по внешнему облику — в том числе, проекта по изучению кросс-культурных детерминант когнитивных процессов, в который описываемое в данной статье исследование входило составной частью (см.: Ананьева, Басюл, Харитонов, 2017; Барабанщиков, Лупенко, Шунто, 2017; Басюл, Демидов, Дивеев, 2017; Швец, 2017; Басюл, Демидов, Дивеев, 2018.; Лупенко, 2018; Харитонов, Ананьева, Басюл, 2018).

Исследования реализованы на территории центральной России (г. Москва), и Республики Тыва (г. Кызыл и отдаленные регионы). Выбор данных административных образований в качестве базы исследования обусловлен следующим. Во-первых, в данных регионах выражено преобладание исконных для территории этнических групп, в то время как представленность других этносов относительно небольшая. Во-вторых, коренные этносы этих регионов сложились из представителей разных расовых групп, европеоидной и монголоидной, имеющих, помимо культурных, выраженные морфологические различия во внешности. В то же время, в-третьих, в Республике Тыва сохранились относительно изолированные поселки, население которых практически полностью составляют представите-

ли одной из этих двух рас. В-четвертых, ценностные основания этнического самосознания у представителей этих групп связано с различными мировыми религиями; для тувинцев — это буддизм и шаманизм, а для русских — христианство. В-пятых, для Республики Тува характерны активные процессы трансформации национального самосознания в сторону опоры на национальные традиции — вплоть до архаизации, что может выступить дополнительным фактором, затрудняющим взаимодействие с представителями других этнических групп. Таким образом, привлечение к участию в исследовании представителей русского и тувинского этносов позволило изучить процесс решения перцептивных задач по крайней мере на двух уровнях восприятия: как индивидуальный когнитивный процесс и как социально-психологический и культурно-опосредованный процесс.

Мы исходили из допущения, что разные когнитивные процессы, в том числе перцептивные, исходно протекают по-разному у представителей разных рас, составляющих выбранные нами два этноса. В то же время при совместном проживании эти различия через некоторое время преобразуются — в основном, в сторону уменьшения. Это допущение (основная гипотеза исследования) является по большей части эмпирическим обобщением и результатом анализа работ, в которых изучался «эффект другой расы»: разнородные различия при восприятии, оценке, идентификации, запоминании и т. д. лиц представителей своей и другой расы (см. ниже). Общий замысел исследования состоял в сравнении восприятия (индивидуальный эксперимент) и сообщении собеседнику информации о воспринимаемом изображении «этнического лица» (парный эксперимент). Различия также предполагалось фиксировать при сравнении результатов участников из популяций совместного проживания — полиэтнических городах Москва и Кызыл (условно: «Мегаполисы») и из относительно удаленных моноэтнических популяций (условно: «Изоляты»).

Исследование построено на использовании антропологического феномена, известного с начала XX века и впервые изученного Малпассом (Malpass, Kravitz, 1969), за которым позднее в психологической литературе закрепилось название «эффект другой/своей расы» или «кросс-расовый эффект». В этом пионерском исследовании было показано, что студенты американских университетов, представлявшие негроидную и европеоидную расовые группы, лучше распознавали лица белых американцев, чем черных, а запоминали лучше лица представителей своей расы. В последующих работах с участием представителей основных («больших») рас исследовались проявления этого эффекта в различных задачах на запоминание, идентификацию, различение лиц; испытуемыми были взрослые с разным опытом общения с представителями других рас, а также дети. Общим итогом таких исследований можно считать надежно установленный факт, что этот когнитивный эффект исходно проявляется не на уровне социальных установок и стереотипов (например, хорошо известный эффект этноцентризма), а связан с различиями в организации стратегий восприятия, запоминания и степени «сензитивности» к изменениям в лицах, отличающихся объективно существующими фенотипическими признаками. При первом контакте (или если контакты ограничены) люди склонны воспринимать людей других рас как выглядящих одинаково.

Причиной этого явления долгое время считали тот факт, что в онтогенезе опыт общения с людьми своей расы обычно значительно превосходит опыт общения с представителями других рас (Shepard, 1981; Chance et al., 1982; Valentine et al., 1995; Lingyun et al., 2007; см. также обзор: Харитонов, Ананьева, 2012). В пользу такой интерпретации свидетельствуют данные об «исчезновении» эффекта после достаточно длительного проживания представителей одной расы среди представителей другой, относительно которой у них этот эффект

был выражен при первых контактах. Помимо опыта контактов с представителями другой расовой группы, в поддержку такого объяснения проявления «эффекта другой расы» приводятся данные в пользу его глубокой физиологической и социальной укорененности: с одной стороны, он обеспечивается активностью базальных структур мозга (миндалевидное тело), с другой стороны, он отмечается в раннем онтогенезе, начиная с появления устойчивых зрительных контактов младенца с матерью (сиделкой).

Таким образом, в целом можно было исходить из того, что для европеоидов все монголоидные лица первоначально являются похожими друг на друга, также как и для монголоидов европеоидные лица «все как на одно лицо», а возможность различать лица другой расы будет определяться опытом знакомства и или «живого» общения с представителями этой расовой группы.

На основе этих исследований нами ранее были отработаны процедуры, позволяющие оценивать проявление кросс-расового эффекта в индивидуальном и парном экспериментах на различение лиц, представлявших собой элементы континуума — переходного ряда от представителя своей к представителю другой расы (Ананьева, Харитонов, Барминов, Жегалло, 2015; Ананьева, Басюл, Товуу, Харитонов, 2016; Ананьева, Харитонов, 2016; Харитонов, Ананьева, Басюл, 2017). Ожидаемо в результате таких экспериментов выявлялась категориальность восприятия, отражающая объем и границы категорий «своя раса» vs «другая раса». При этом индивидуальный эксперимент, по нашему замыслу, давал «чисто перцептивный» результат, а в ходе парного эксперимента исследовалась перцептивная категоризация в комбинированном взаимодействии с когнитивными процессами других уровней и коммуникативными процессами — в едином коммуникативно-когнитивном процессе, отражающем уже и социально-культурную составляющую.

Описание популяций и выборки исследования

Европеоидные участники исследования (группа «Мегаполис») представлены жителями крупнейшего в стране многоэтнического мегаполиса г. Москва (население более 12 млн человек). Основная группа населения — русские и другие представители народов восточнославянской группы. Остальная часть населения представляет практически все этносы с территории России, а также многих сопредельных стран и дальнего зарубежья, хотя и составляет в совокупности меньшинство.

Другая группа европеоидов (группа «Изолят») представлена участниками из русского поселения Сизим в верховьях Енисея (Большой Енисей, выше по течению от точки слияния с Малым Енисеем), Каа-Хемский кожуун Республики Тыва, с населением около 800 человек. Поселение основано русскими переселенцами-старообрядцами в конце XIX в., значительная часть населения не поддерживает контактов с внешним окружением, ни русским, ни тувинским, а также с административными органами, не пользуется разного рода электронными гаджетами, не смотрит телевидения. В то же время в поселке работает школа, и довольно большая часть молодежи (преимущественно юноши и молодые мужчины) таких строгих правил не придерживаются.

Монголоидная группа участников исследования представлена тувинцами, постоянно проживающими либо обучающимися в столице Республики Тыва г. Кызыл (группа «Мегаполис»). Население столицы Тывы (более 120 тыс. человек) полиэтнично, основную часть его составляют тувинцы, представлены также русские и украинцы (около 30%), имеется небольшое представительство (около 3,5%) других народов европеоидной и монголо-

идной рас: хакасов, коми, киргизов, татар. Проживающие в Кызыле тувинцы используют в быту русский язык наравне с родным, а иногда — и преимущественно русский. Последнее, в частности, характерно для принимавших участие в наших экспериментах студентов вторых—четвертых курсов Тувинского университета, где преподавание ведется на русском языке. Здесь следует отметить (это существенно для интерпретации результатов исследования), что, как известно из опыта исследований, для модификации/исчезновения «эффекта другой расы» обычно хватает одного года проживания в дву- или полиэтнической среде.

Другая монголоидная группа представлена тувинцами из относительно удаленных районов (кожуунов): поселений Дус-Даг и Кунгуртуг (группа «Изолят»).

Сельское поселение Дус-Даг Овюрского кожууна Тывы расположено более чем в 300 км юго-западнее столицы Тывы вблизи границы с Монголией. Население (около 980 человек) представлено практически исключительно тувинцами. Помимо удаленности от республиканского центра, село Дус-Даг еще и труднодоступно: существующая дорога проходимая не в любых погодных условиях (за исключением спецтехники), авиасообщение отсутствует. К моменту проведения исследования примерно в течение года существовала устойчивая мобильная телефонная связь. В быту население использует родной язык. К третьему—четвертому классу школы практически все владеют русским.

Сельское поселение Кунгуртуг — административный центр Тере-Хольского кожууна. Население — около 1500 человек: тувинцы, тувинцы-тоджинцы. Расположено на юго-востоке республики в 250 км по прямой от г. Кызыл. Основано в 1949 г. в гористой местности в долине р. Кунгур-Туг, 9 км восточнее озера Тере-Холь, на одном из островов которого сохранились остатки крепости Пор-Бажын времен Уйгурского каганата (VIII—IX вв. н.э.): по крайней мере, к этому времени следует отнести появление поселения людей в этом месте. Доступность ограничена: автомобильный транспорт в летнее время. Мобильная телефонная связь появилась примерно за год до времени проведения исследования. Население в быту говорит почти исключительно на тувинском языке с характерным акцентом (скорее говор, чем диалект). Благодаря школьному обучению к четвертому—пятому классу в основном владеют русским, практически все взрослые владеют русским свободно.

Чтобы избежать возможного влияния использования второго языка на результаты, та часть исследования с участием тувинцев, которая предполагала общение, проводилась на тувинском языке.

Метод и процедуры исследования

В индивидуальном исследовании нами использовалась задача на различение типа $AB=X$, в которой испытуемому предъявляются два объекта, А и В, один из которых тестовый, а другой модифицированный, а затем объект X, представляющий собой один из ранее предъявленных, а испытуемый должен определить, какой объект именно. Исходно задача такого типа использовалась в акустическом психолингвистическом тестировании (Liberman et al, 1957). Затем она получила более широкое применение, на что указали некоторые исследователи (например: Rogers, 2017), в том числе в изучении особенностей зрительного восприятия человеческого лица и, в частности, лиц разных рас (Etcoff, Magee, 1992; Levin, 2000; Meissner, Brigham, 2001; Королькова, Жегалло, 2012; Caldara et al., 2004; Ананьева, Жегалло, 2019).

Для исследования в ситуации общения (парный эксперимент) нами использовалась дискриминационная задача типа «same-different», разделенная между двумя участниками,

каждому из которых предъявлялось по одному изображению лица, которые могли быть одинаковыми или разными, а их задачей было совместное определение, какое сочетание им предъявлено. Коммуникативная ситуация «референтного общения» также довольно широко использовалась со второй половины прошлого века для исследования решения различных задач и собственно особенностей когнитивно-коммуникативных процессов, а нами она была предложена для изучения восприятия и идентификации этнических лиц с опорой на эффекты другой расы и категориальности восприятия (Ананьева, Носуленко, Самойленко, Харитонов, 2017; Харитонов, Ананьева, Басюл, 2017, 2018).

Результаты испытуемых суммировались по группам; на основе этих данных строились графики категоризации, которые затем сравнивались с использованием стандартных статистических методов.

В исследованиях обоих типов (АВХ-задача и парный эксперимент) приняли участие испытуемые из г. Москва — 40 человек (испытуемые — русские), г. Кызыл — 85 человек, пос. Кунгуртуг (республика Тыва, испытуемые — тувинцы) — 87 человек, пос. Дус-Даг (республика Тыва, испытуемые — тувинцы) — 20 человек, пос. Сизим (республика Тыва) — 48 человек. Все испытуемые — 18 лет и старше.

В обоих исследованиях испытуемым предлагалась работа с одним и тем же набором стимульных фотоизображений (рис. 1).

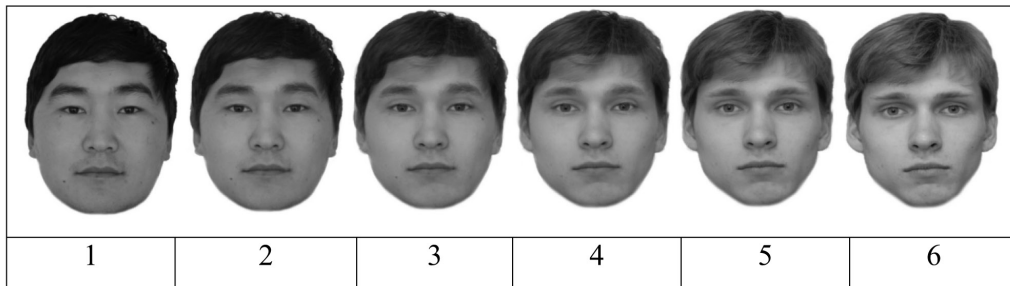

Рис. 1. Стимульный ряд фотоизображений: 1 — исходная фотография лица монголоидного типа; 6 — исходная фотография лица европеоидного типа; 2–5 — переходный ряд, полученный при помощи процедуры морфинга

Стимульные изображения сформированы на основе двух фотоизображений — лица монголоидного типа и лица европеоидного типа. Промежуточный переходный ряд получен при помощи процедуры морфинга с шагом 20%. Изображения № 2 «содержит» 80% исходного монголоидного и 20% исходного европеоидного фотоизображения, изображение № 3 — 60% монголоидного и 40% монголоидного фотоизображения и т. д.

В АВХ-задаче испытуемому попарно предъявлялись соседние фотоизображения из переходного ряда, после чего выводилось одно из предъявленных изображений, испытуемый должен был ответить, в какой части экрана находилось одиночное изображение — справа или слева. Выбор осуществлялся при помощи соответствующих клавиш на клавиатуре ноутбука, на экране которого демонстрировались фотоизображения. Время экспозиции пары фотоизображений — 1 с, время экспозиции одиночного изображения — 1 с. Время на ответ не ограничивалось, испытуемый мог изменить свой ответ до того, как окончательно подтвердит его при помощи клавиши ENTER. После нажатия клавиши ENTER начиналось следующее предъявление. Для 6 фотоизображений было сформировано 20 уникальных

парных комбинаций таким образом, что каждое изображение оказывалось в тестовой паре с соседними изображениями переходного ряда, в одних комбинациях — справа, в других — слева. Аналогично в качестве одиночного изображения выступило каждое из изображений переходного ряда во всех сочетаниях, где оно было предъявлено. 20 таких сочетаний образовывали один цикл предъявления. Всего испытуемые работали в четырех циклах предъявления. Порядок следования различных сочетаний был случайным и генерировался программой предъявления для каждого испытуемого индивидуально.

Анализовалась точность ответов для каждой тестовой пары переходного ряда изображений без учета позиции отдельных изображений, т. е. результат для пар 1–2 и 2–1 с одиночными изображениями 1 и 2 усреднялся в один результат для данного испытуемого.

В парной задаче испытуемым было предложено работать парами. Объединение испытуемых в пары осуществлялось самими испытуемыми без каких-либо специальных требований. В парной задаче каждому испытуемому предъявлялось по одному фотоизображению, а их задачей было выяснить, одинаковые им предъявлены изображения или разные. В парной задаче испытуемым могли быть предъявлены как разные фотоизображения (например 1–2), так и одинаковые (1–1, 2–2 и т. д.). Всего каждой паре испытуемых было предъявлено по 16 пар изображений, 6 из которых были одинаковыми, а 9 различными сочетаниями изображений переходного ряда. Сочетания были составлены таким образом, что каждый испытуемый работал с каждым изображением, как в ситуации, когда у собеседника было точно такое же, так и в ситуации, когда у собеседника было одно из соседних изображений переходного ряда. Результатом работы с конкретной парой изображений был ответ испытуемых — одинаковые изображения или разные.

Анализовалась точность ответов испытуемых относительно различных пар переходного ряда изображений. Случаи предъявления одинаковых изображений в данном исследовании не анализировались.

Предъявление фотоизображений в обоих исследованиях осуществлялось при помощи авторского программного обеспечения, разработанного на основе среды Python 2.7.15 и пакета расширений PsychoPy 3.1.2.

Обработка результатов осуществлялась относительно показателей успешности решения АВХ-задачи (индивидуальной) и парной задачи применительно к парным сочетаниям тестовых изображений (1–2, 2–3 и т. д.). В качестве группирующих переменных выступили: 1) локация — изолированное поселение или мегаполис, 2) этническая принадлежность испытуемых — русские и тувинцы, 3) тип выполняемой задачи — парный эксперимент и АВХ-задача.

Для анализа статистической достоверности сходства категоризационных кривых использовался χ^2 -тест; проверка достоверности различий среднего уровня эффективности между точками внутри одной категоризационной кривой выполнялась при помощи критерия Вилкоксона; для проверки статистической значимости различий в среднем уровне эффективности между точками различных категоризационных кривых использовался критерий Манна—Уитни. Статистические тесты реализованы в пакете расширений SciPy 1.2.1 для среды Python 3.7.3.

Анализ данных и результаты исследования

При сопоставлении испытуемых по признаку «локация» — изолированное поселение или мегаполис — были выявлены следующие характерные особенности.

Рис. 2. Результативность работы русских испытуемых в парном эксперименте

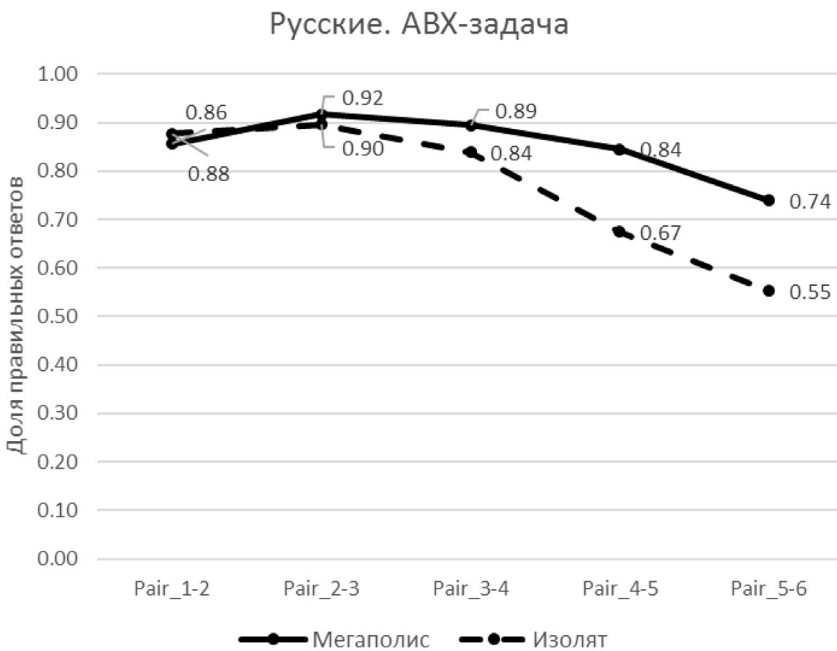

Рис. 3. Результативность работы русских испытуемых в АВХ-задаче

Наибольшая эффективность решения задачи в парном эксперименте показана для пары 3–4 стимульного ряда изображений. Наибольшая эффективность в АВХ-задаче — для пары 2–3 стимульного ряда изображений. При этом данные пики эффективности ре-

шения задач совпали для испытуемых из мегаполиса и изолированного поселения (рис. 2, 3). При сопоставлении распределений эффективности решения для парной задачи не выявлено достоверных различий (χ^2 -тест, $p = 0,218$), для АВХ-задачи кривые категоризации для испытуемых из мегаполиса и изолированного поселения оказались достоверно различными (χ^2 -тест, $p = 0,032$).

Для тувинской выборки испытуемых наблюдается идентичная тенденция для АВХ-задачи – максимальная результативность для пары 2–3 стимульного ряда изображений (рис. 4). Пик результативности работы также совпадает для тувинских испытуемых из мегаполиса (г. Кызыл) и изолированных поселений (труднодоступные кожууны). Анализ сходства кривых категоризации для АВХ-задачи не выявил статистически достоверных различий между кривыми (χ^2 -тест, $p = 0,774$).

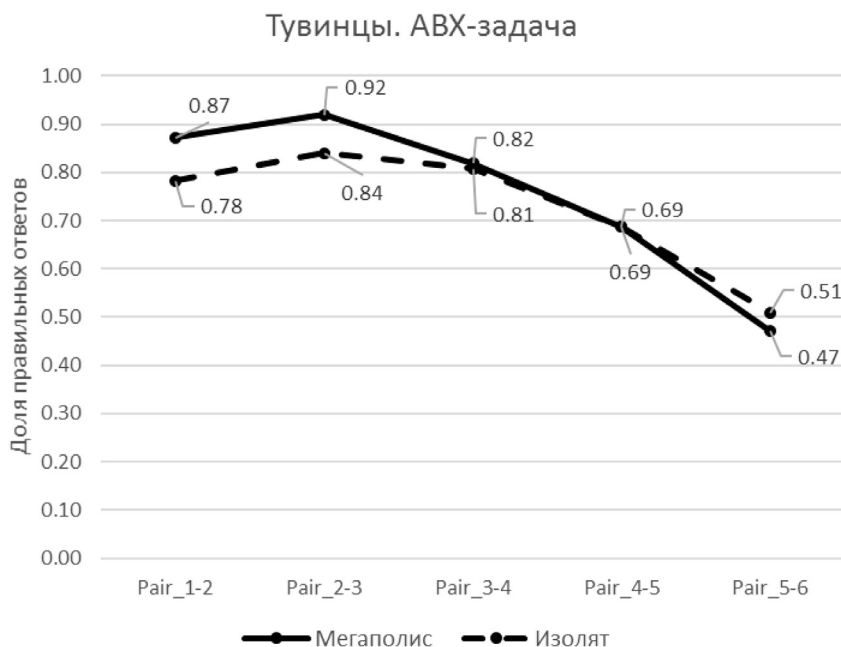

Рис. 4. Результативность работы тувинских испытуемых в АВХ-задаче

В парном эксперименте тувинские испытуемые продемонстрировали несколько иную тенденцию (рис. 5).

В данном случае для изолированного поселения максимальная эффективность решения задачи в парном эксперименте достигнута для пары стимульных изображений 3–4, в то время как для тувинских испытуемых из мегаполиса – для пары изображений 2–3. Хотя здесь следует отметить, что различие между парами 2–3 (0,47) и 3–4 (0,49) в эффективности решения задачи для испытуемых из изолированного поселения крайне мало и статистически недостоверно (критерий Вилкоксона, $p = 0,904$), в целом, между кривыми категоризации выявлено статистически достоверное различие (χ^2 -тест, $p = 0,002$).

При сопоставлении групп испытуемых по признаку «этнос» выявлены следующие результаты. Максимальная эффективность работы в парном эксперименте для русских ис-

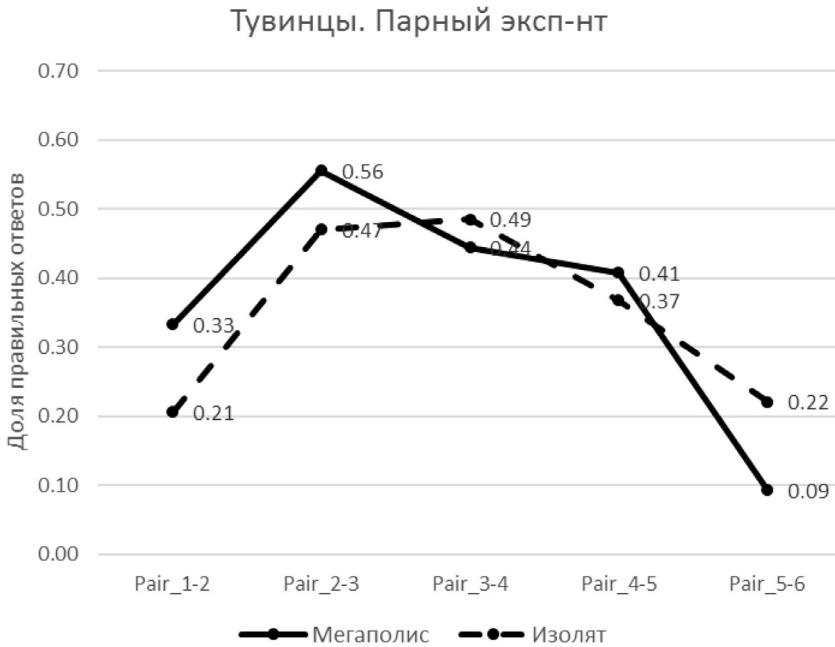

Рис. 5. Результативность работы тувинских испытуемых в парном эксперименте

пытуемых из мегаполиса (г. Москва) показана для пары 3–4 стимульных изображений, для тувинской выборки из мегаполиса (г. Кызыл) — для пары 2–3 стимульных изображений. Распределения эффективности оказались различными на статистически достоверном уровне (χ^2 -тест, $p = 0,010$). При этом сам максимальный уровень результативности для данных групп различается сравнительно мало и статистически недостоверно: 0,60 — для русских испытуемых и 0,55 — для тувинских испытуемых; критерий Манна–Уитни $p = 0–361$ (рис. 6).

В случае изолированных поселений максимальная результативность и русских, и тувинских испытуемых показана для одной и той же пары переходного ряда изображений — 3–4. Хотя в данном случае для тувинских испытуемых в изолированных поселениях различия в эффективности между парами 2–3 и 3–4 оказались малыми и статистически незначимыми (критерий Вилкоксона, $p = 0,904$) (рис. 7). Категоризационные кривые в данной ситуации оказались различными на статистически достоверном уровне (χ^2 -тест, $p < 0,001$).

В случае с АВХ-задачей наблюдается большая степень единообразия в плане пар стимульных изображений, для которых показана максимальная эффективность решения задачи. Для испытуемых из мегаполисов формы распределений результативности выявили статистически достоверные различия (χ^2 -тест, $p = 0,001$).

В случае с испытуемыми в изолированных поселениях статистически достоверных различий между русскими и тувинскими испытуемыми не выявлено (χ^2 -тест, $p = 0,748$).

При сопоставлении задачи парного эксперимента и АВХ-задачи между собой по критерию эффективности решения задачи для различных пар стимульного ряда изображений получены следующие результаты.

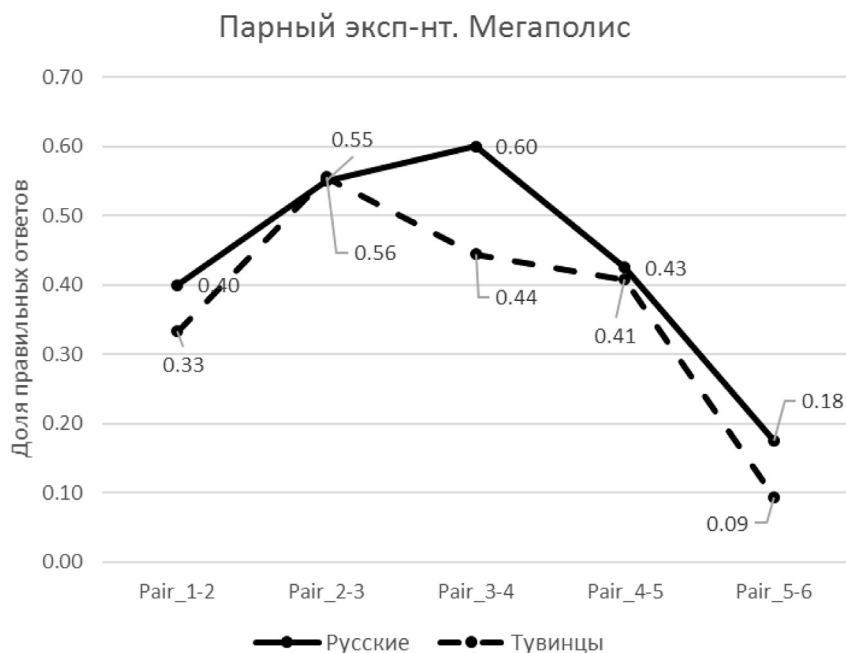

Рис. 6. Результативность работы испытуемых из мегаполиса в парном эксперименте

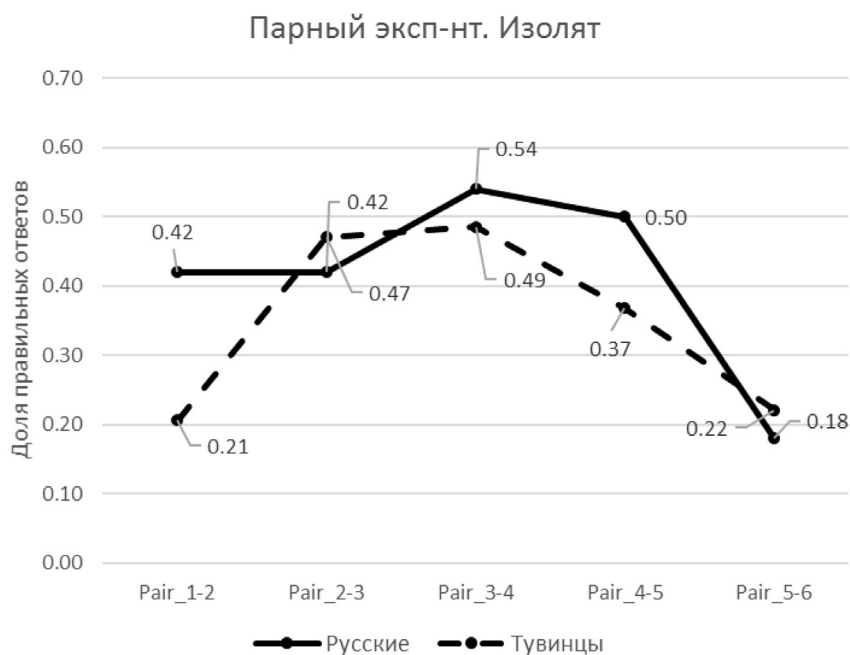

Рис. 7. Результативность работы испытуемых из изолированных поселений в парном эксперименте

Общим результатом для всех исследованных групп является снижение эффективности решения задачи при переходе от АВХ-задачи, которая является индивидуальной, а

испытуемые видят оба изображения из тестовой пары на экране одновременно, к парному эксперименту, где помимо того, что нужно «глазами увидеть» какие-то особенности в изображении, которые помогут найти сходства или различия, требуется донести эти особен-

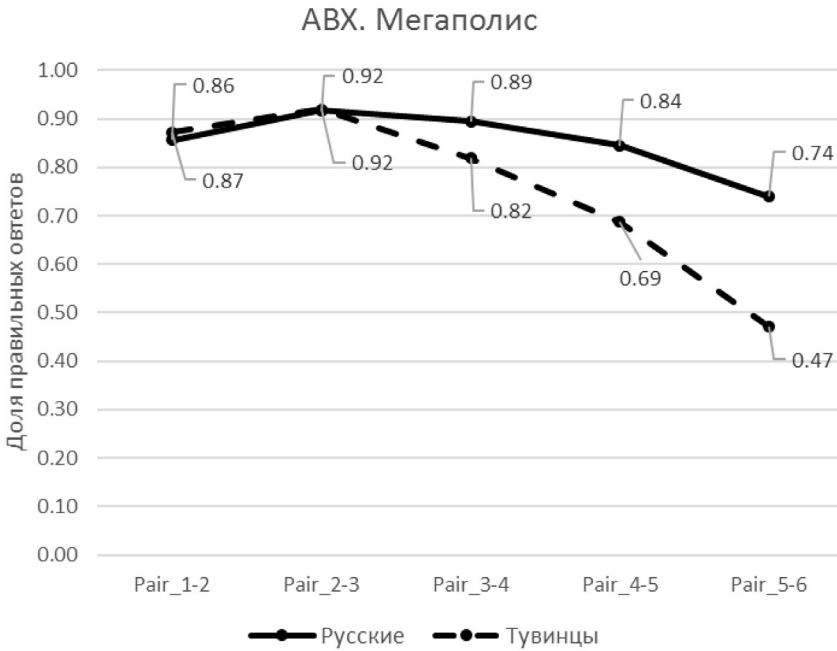

Рис. 8. Результативность работы испытуемых из мегаполиса в ABX-задаче

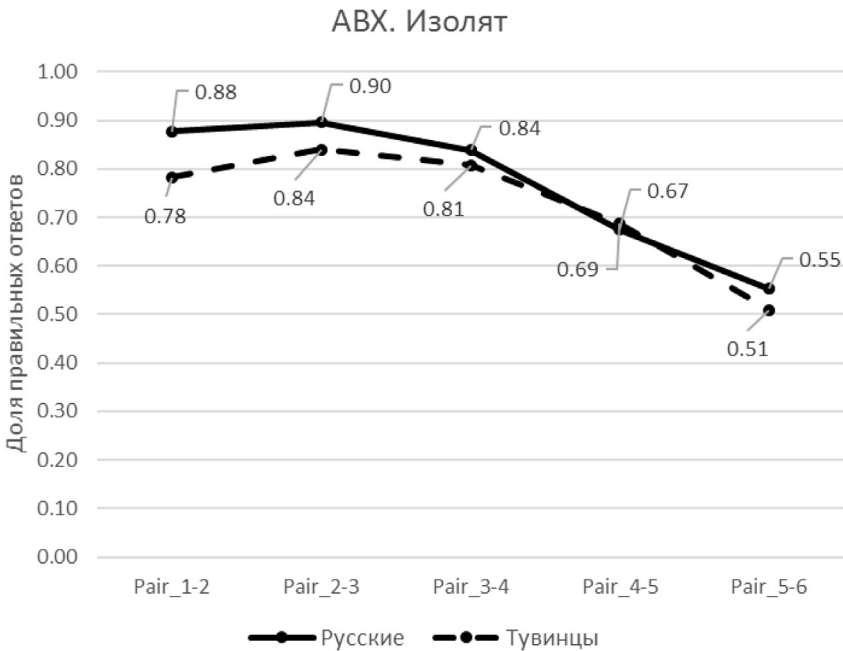

Рис. 9. Результативность работы испытуемых в изолированных поселениях в ABX-задаче

сти до своего партнера посредством коммуникации. Это может объясняться тем, что решение экспериментальной задачи парного исследования требует существенно больших когнитивных усилий, а также и коммуникативно-когнитивных — последние для АВХ-задачи не требуются.

На фоне данного общего результата наблюдаются определенные особенности русской и тувинской групп испытуемых при сопоставлении по типу решаемой задачи (парный эксперимент или АВХ-задача).

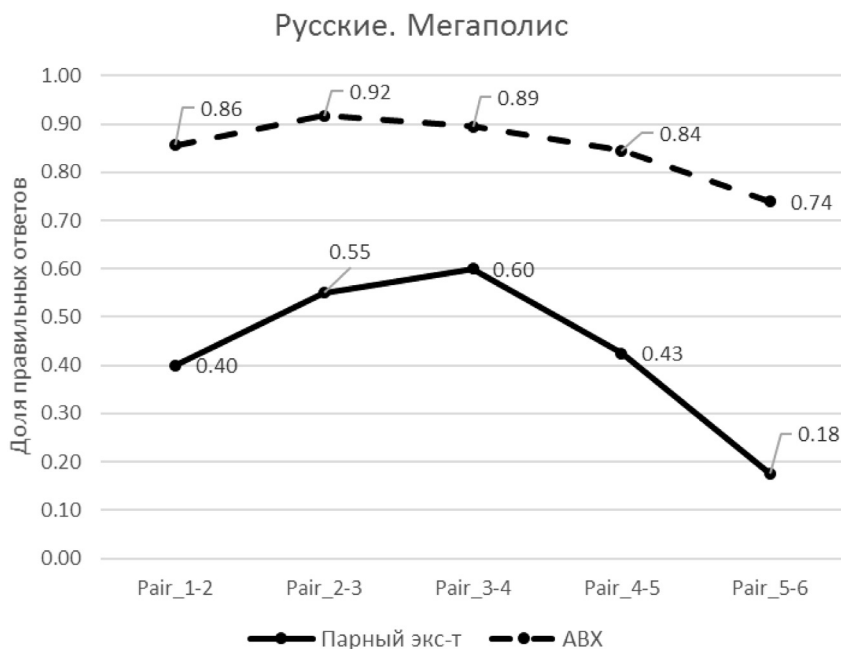

Рис. 10. Результативность работы русских испытуемых в мегаполисе

Для русских испытуемых, как в мегаполисе, так в изолированном поселении, при сопоставлении АВХ-задачи и парного эксперимента наблюдается смещение пика результативности — для АВХ-задач максимальная результативность — на паре 2–3 стимульного ряда изображений, для парного эксперимента — на паре 3–4 (рис. 10, 11). В случае мегаполиса разница эффективности между пиком в парной задаче и пиком в АВХ-задаче — 0,32, различие статистически достоверно (критерий Манна–Уитни, $p = 0,003$). На краях стимульного ряда изображений наблюдается увеличение разницы в эффективности между АВХ-задачей и парным экспериментом: для пары 1–2 разность составляет 0,46 (критерий Манна–Уитни, $p < 0,001$), для пары 5–6 эта разность уже достигает 0,56 (критерий Манна–Уитни, $p < 0,001$).

Для русских испытуемых в изолированном поселении наблюдается аналогичная тенденция, однако разница между АВХ-задачей и парным экспериментом нарастает к краям категоризационной кривой не так интенсивно: разница пиков категоризации — 0,36 (критерий Манна–Уитни, $p < 0,001$), разница для пары 1–2 — 0,46 (критерий Манна–Уитни, $p < 0,001$), разница для пары 5–6 — 0,37 (критерий Манна–Уитни, $p < 0,001$).

Для тувинских испытуемых в мегаполисе наблюдается совпадение пар тестовых изображений, для которых получена максимальная эффективность работы — в обоих экспериментальных ситуациях это оказалась пара 2–3 стимульного ряда изображений (рис. 12). Снижение эф-

фektivности в парном эксперименте относительно АВХ-задачи наблюдалось: для пика эффективности (пара 2–3) – 0,36 (критерий Манна–Уитни, $p < 0,001$), разница для пары 1–2 – 0,54 (критерий Манна–Уитни, $p < 0,001$), для пары 5–6 – 0,38 (критерий Манна–Уитни, $p < 0,001$).

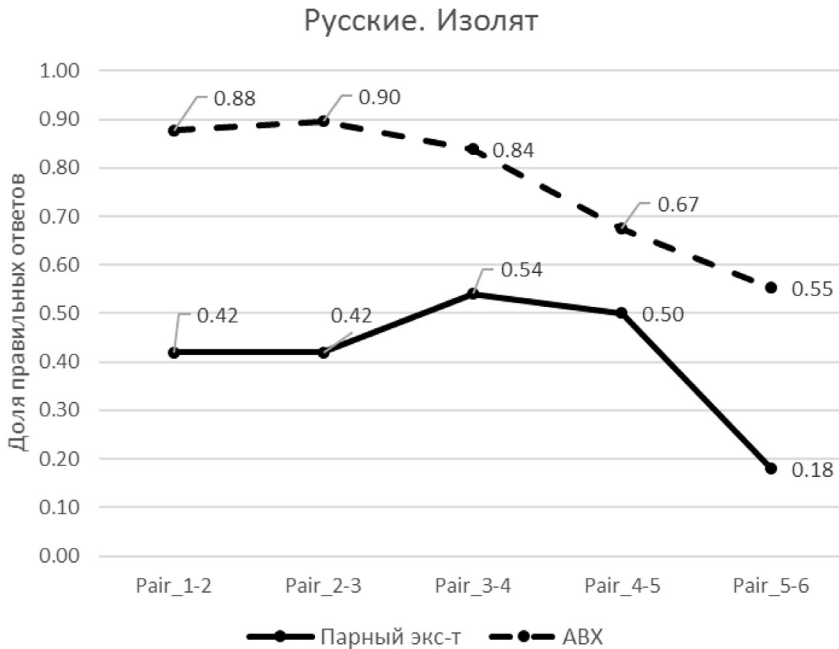

Рис. 11. Результативность работы русских испытуемых в изолированном поселении

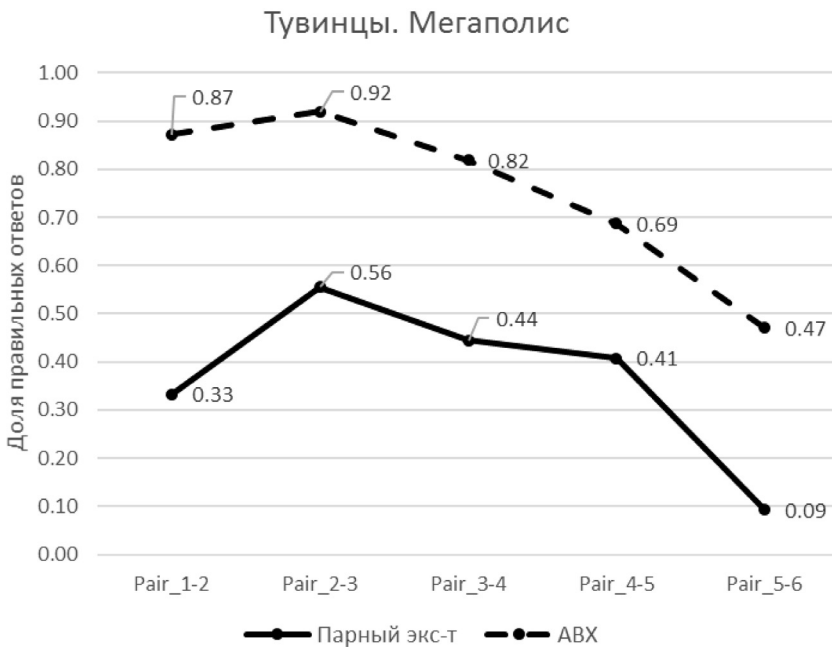

Рис. 12. Результативность работы тувинских испытуемых в мегаполисе

Для тувинских испытуемых в изолированных поселениях данные разности составили: пик категоризационных кривых – 0,35 (критерий Манна–Уитни, $p < 0,001$), для пары 1–2 – 0,57 (критерий Манна–Уитни, $p < 0,001$), для пары 5–6 – 0,29 (критерий Манна–Уитни, $p < 0,001$). При этом для тувинских испытуемых в изолированных поселениях для ситуации АВХ-задачи также показана максимальная эффективность для пары 2–3 стимульного ряда изображений, а в случае парного эксперимента тестовые пары 2–3 и 3–4 оказались практически неразличимы в плане успешности решения задачи (рис. 13) (критерий Вилкоксона, $p = 0,904$).

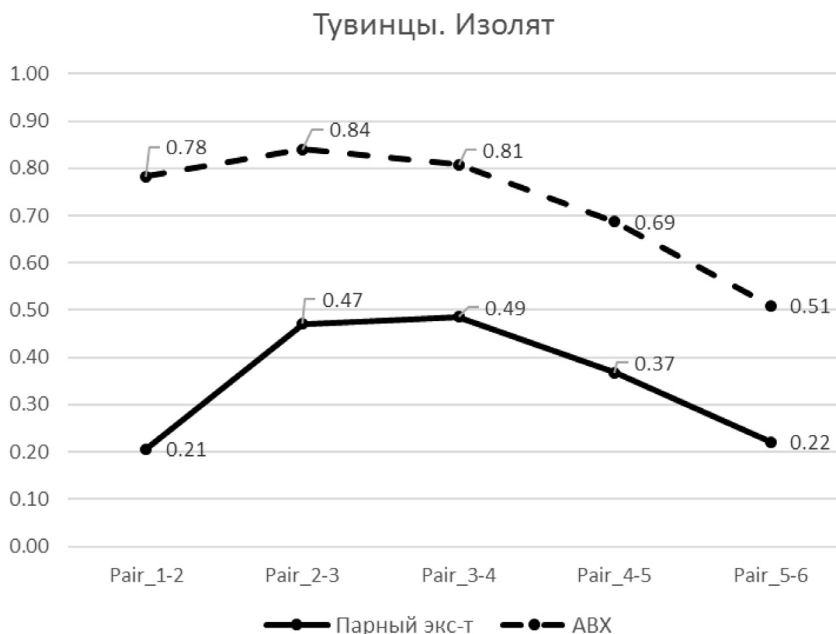

Рис. 13. Результативность работы тувинских испытуемых в изолированном поселении

Обсуждение

Интересной особенностью решения АВХ-задачи, как в случае с испытуемыми из мегаполиса, так и в случае с испытуемыми в изолированных поселениях, является совпадение пар изображений, для которых получена максимальная результативность решения задачи. Для всех ситуаций – русские испытуемые в изолированном поселении и мегаполисе и тувинские испытуемые в изолированном поселении и мегаполисе – максимальная результативность в АВХ-задаче показана для пары 2–3 стимульного ряда изображений. В данном случае это может свидетельствовать о том, что при решении задачи испытуемые обеих расовых групп опирались в основном на морфологические признаки стимульного материала (весь стимульный ряд был «широколицым»). В то же время испытуемые из мегаполисов, а также обе группы в когнитивно более сложном парном эксперименте продемонстрировали разные тенденции, с точки зрения максимальной результативности решения задачи.

При рассмотрении полученных результатов, в целом, наблюдается интересная особенность. Кривые эффективности решения задачи в парном эксперименте для всех четырех групп испытуемых, в целом, весьма схожи. У всех наблюдается спад эффективности на

краях переходного ряда стимульных изображений, максимальную эффективность решения задачи все группы демонстрируют на каких-то промежуточных сочетаниях стимульных фотоизображений — чаще всего на паре 3—4 (рис. 14). Характерно, что интенсивность спада эффективности при смещении к крайней области переходного ряда также очень схожа для обследованных групп, особенно в области стимульных пар 4—5 и 5—6, т. е. при смещении к стимульному изображению, являющемуся исходной фотографией европеоида (русский).

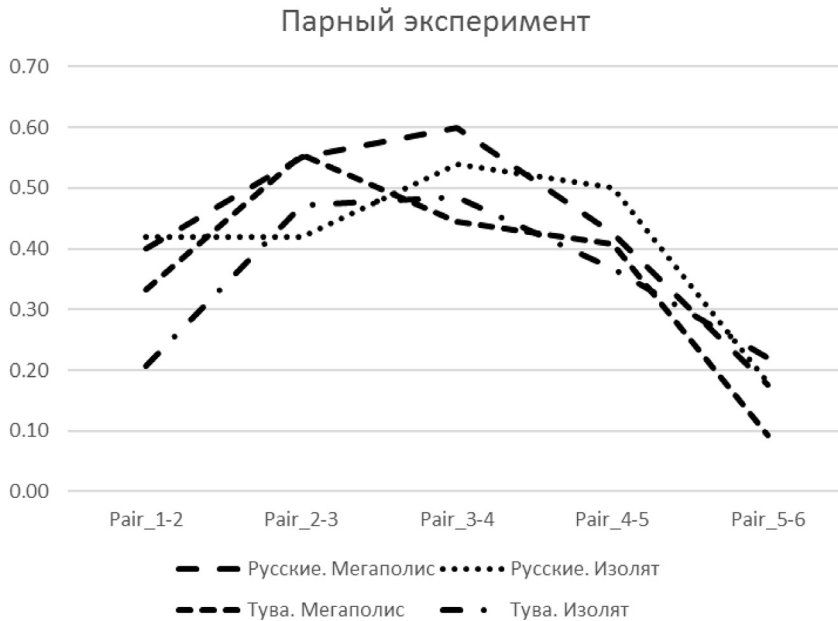

Рис. 14. Динамика эффективности решения задач для всех групп испытуемых в парном эксперименте

Для АВХ-задачи можно наблюдать похожую тенденцию — заметное единообразие динамики эффективности у различных групп испытуемых за исключением выборки русских из мегаполиса (рис. 15).

Выборка русских испытуемых из мегаполиса (г. Москва) демонстрирует значительно меньшее снижение эффективности при приближении к краям переходного ряда стимульных изображений. Особенно это выражено при приближении к «русскому» краю — к нативному фотоизображению европеоида. Для остальных трех групп испытуемых хорошо видно как сходство динамики (наклон кривой эффективности), так и небольшой уровень различий самих значений эффективности для различных сочетаний стимульных изображений. У выборки русских испытуемых в мегаполисе по какой-то причине сохраняется высокий уровень различения изображений лиц, которые остальные группы испытуемых, принявшие участие в исследовании, различают существенно хуже.

Данная особенность русской выборки в мегаполисе может быть объяснена более узким диапазоном эквивалентности (Холодная, 2004) в плане внешнего вида лица человека и, соответственно, более детализированной категоризацией таких объектов, что будет проявляться в высокой эффективности различения объектов, которые остальные группы испытуемых относят к одной категории и, соответственно, различают хуже. Здесь появляется два вопроса: 1) происхождение более детализированной категоризации лиц у русских ис-

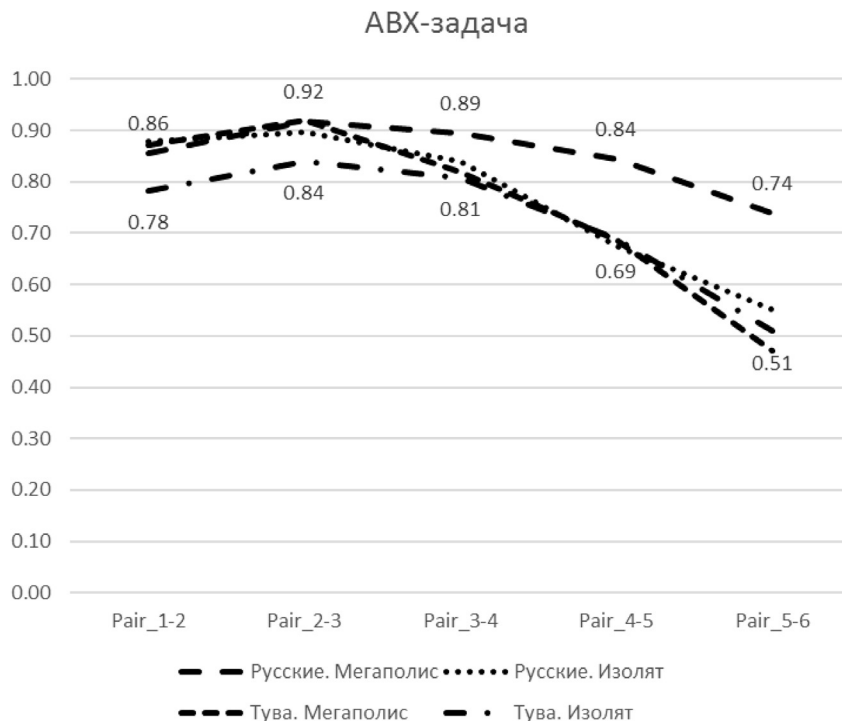

Рис. 15. Динамика эффективности всех групп испытуемых в АВХ-задаче. Приведены средние значения эффективности для выборки русских в мегаполисе (г. Москва) и для выборки тувинцев в изолированном поселении (поселки Кунгуртут и Дус-Даг)

пытуемых из мегаполиса и 2) почему мы не наблюдаем аналогичной картины для ситуации парного эксперимента (рис. 14).

Причиной более детализированной категоризации лиц у русских испытуемых из мегаполиса могут быть особенности их среды проживания. Этнический состав изолятов — как русских (с. Сизим), так и тувинских (с. Кунгуртут и с. Дусь-Даг) — относительно узкий. В данных селах есть «основной состав» из русских или тувинцев, компактно проживающих на данной территории, и незначительное количество либо русских (с. Кунгуртут и с. Дус-Даг), либо тувинцев (с. Сизим). Выходцы из Ближнего Востока, Кавказа или средней Азии в данных поселениях фактически отсутствуют. И даже если рассмотреть г. Кызыл — самый крупный город в Тыве, то основное его население — тувинцы, количество русских относительно невелико, выходцы с Кавказа или из стран Ближнего Востока практически отсутствуют. Можно предполагать, что в таких условиях формируется достаточно однозначное представление о том, как выглядит европеоид на примере тех немногочисленных русских, которые проживают либо в поселении, либо в Кызыле. Выборка русских из мегаполиса представляет жителей г. Москва, население которого составляет порядка 12 млн. человек, в то время как население г. Кызыл — около 120 тыс. человек, т. е. примерно в 100 раз меньше, чем в Москве. Этнический состав населения Москвы существенно разнообразнее, чем в г. Кызыл и тем более в компактных поселениях. В Москве можно встретить как европеоидов, так и монголоидов и негроидов. Причем представлено разнообразие даже в пределах одной большой расы (например, европеоидов): в разных странах, а также регионах России

локальные популяции имеют свои характерные особенности (Кун, 2011). Вероятно, опыт жизни в социуме, имеющем высокое разнообразие лиц, формирует способность и привычку «видеть» и различать большее количество деталей во внешнем облике, которые люди без аналогичного опыта различают ощутимо хуже.

Почему же вышеуказанная особенность не проявляется в парном эксперименте? Житель Москвы практически каждый день видит огромное разнообразие лиц в транспорте, на работе, в общественных местах; но при этом вряд ли можно сказать, что круг общения этого жителя существенно шире того, что имеют люди в компактных поселениях. Чаще всего круг общения составляет членов семьи, коллег по работе и коллег по увлечениям в свободное от работы время. Исключение составляют представители некоторых профессий, которые по роду деятельности (например, врачи) вынуждены общаться с людьми, круг которых может постоянно меняться. И если мы можем предполагать, что у жителя Москвы формируется существенно более широкий, чем в компактном поселении, опыт в плане восприятия и кратковременного контактирования с самыми разными лицами, что позволяет им лучше различать тех, кого жители компактных поселений различают плохо, то аналогичного предположения относительно опыта коммуникации мы сделать не можем. Таким образом, опыт и навыки коммуникации жителя Москвы, скорее всего, значимо не будут отличаться от таковых у жителя компактного поселения, а для эффективной работы в парном эксперименте — это (опыт и навыки коммуникации) один из ключевых аспектов.

Для уточнения и дополнительной детализации полученных результатов следует провести аналогичные исследования в поселениях, имеющих размер значимо больше г. Кызыл, но меньше, чем г. Москва, например, в городах с населением 1–2 млн человек. Дополнительно следует провести исследование для выявления «количества» различий в изображениях лица европеоидного типа, при которых у выборки из г. Москвы эффективность различения в АВХ-задаче приблизится к таковой у испытуемых из г. Кызыл и компактных поселений.

Финансирование

Исследование выполнено в рамках государственного задания № 25.3916.2017/ПЧ по теме: «Кросс-культурные детерминанты когнитивно-коммуникативных процессов».

Литература

1. *Ананьева К.И., Носуленко В.Н., Самойленко Е.С., Харитонов А.Н.* Когнитивно-коммуникативная парадигма Б.Ф. Ломова: Современное состояние и перспективы // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 6. С. 17–29.
2. *Ананьева К.И., Басюл И.А., Товуу Н.О., Харитонов А.Н.* Перцептивная категоризация в интерпретации результатов парного эксперимента по идентификации лиц разных рас // Психологические и психоаналитические исследования: 2015–2016 / Под ред. А.А. Демидова. М.: Московский институт психоанализа, 2016. С. 226–235.
3. *Ананьева К.И., Басюл И.А., Харитонов А.Н.* Изостатические окуломоторные паттерны при зрительном восприятии лиц своей и другой расы // Экспериментальная психология. 2017. Т. 10. № 4. С. 133–147. doi:10.17759/expsy.2017100409
4. *Ананьева К.И., Харитонов А.Н.* Изображение и звучащий текст в задаче идентификации лиц представителей разных рас // Лицо человека в пространстве общения / Отв. ред. К.И. Ананьева, В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов. М.: Московский институт психоанализа; Когито-Центр, 2016. С. 13–23.
5. *Ананьева К.И., Харитонов А.Н., Барминов И.А., Жегалло А.В.* Эффект категориальности восприятия при распознавании усредненных лиц европеоидного и монголоидного типов // Дружининские чтения:

- материалы XIV Всерос. науч.-практ. конф., г. Сочи, 21–23 мая 2015 г. / Под ред. И.Б. Шуванова, С.В. Воронина, В.П. Шувановой, С.А. Барановой. Сочи: РИЦ ФГБОУ ВПО «СГУ», 2015. С. 67–70.
6. Аняньева К.И., Жегалло А.В. Особенности различения лиц разных рас в микроинтервалах времени // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 3. С. 63–72. doi:10.17759/exppsy.2019120305
 7. Барабанщиков В.А., Лупенко Е.А., Шушто А.С. Восприятие личности человека по изображениям его лица на фотографии и художественном портрете // Экспериментальная психология. 2017. Т. 10. № 4. С. 56–73. doi:10.17759/exppsy.2017100405
 8. Басюл И.А., Демидов А.А., Дивеев Д.А. Закономерности окулomotorной активности представителей русского и тувинского этносов при оценке перцептивного доверия по выражениям лиц // Экспериментальная психология. 2017. Т. 10. № 4. С. 148–162. doi:10.17759/exppsy.2017100410
 9. Басюл И.А., Демидов А.А., Дивеев Д.А. Изостатические окулomotorные паттерны при оценке перцептивного доверия по выражениям лиц // Экспериментальная психология. 2018. Т. 11. № 4. С. 70–78. doi: 10.17759/exppsy.2018110406
 10. Королькова О.А., Жегалло А.В. Эффект категориальности восприятия экспрессий лица: многообразие проявлений // Экспериментальная психология. 2012. Т. 5. № 2. С. 22–38.
 11. Кун К.С. Расы Европы. М.: АСТ, Астрель, 2011. 686 с.
 12. Лупенко Е.А. Межкультурные различия в описании и опознании лиц своей и чужой этнической принадлежности на примере портретных изображений // Экспериментальная психология. 2018. Т. 11. № 4. С. 116–124. doi: 10.17759/exppsy.2018110410
 13. Харитонов А.Н., Аняньева К.И., Басюл И.А. Перцептивная категоризация лиц разных рас в индивидуальном и парном эксперименте // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А.Л. Журавлёв, В.А. Кольцова. М.: Институт психологии РАН, 2017. С. 582–589.
 14. Харитонов А.Н., Аняньева К.И., Басюл И.А. Стратегии референции в диалогах об этнических лицах: топосемантический экспресс-анализ // Экспериментальная психология. 2018. Т. 11. № 4. С. 125–134. doi: 10.17759/exppsy
 15. Харитонов А.Н., Аняньева К.И. Распознавание лица и эффект «другой расы» / Лицо человека как средство общения: междисциплинарный подход // Отв. ред. В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов, Д.А. Дивеев. М.: Когито-Центр; Институт психологии РАН, 2012. С. 145–160.
 16. Холодная М.А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. СПб.: Питер, 2004. 384 с.
 17. Швец Т.А. Субъективное восприятие возраста младшими подростками: кросс-культурное исследование // Актуальные проблемы психологического знания. 2017. Т. 44. № 3. С. 74–89.
 18. Caldara R., Rossion B., Bovet P., Hauert C.A. Event-related potentials and time course of the “other-race” face classification advantage // Neuroreport. 2004. Vol. 15. № 5. P. 905–910.
 19. Chance J., Turner A., Goldstein A. Development of differential recognition for own-and other-race faces // Journal of Psychology, 1982. Vol. 112. № 1. P. 29–37.
 20. Etcoff N.L., Magee J.J. Categorical perception of facial expressions // Cognition. 1992. Vol. 44. P. 281–295.
 21. Levin D. Race as a visual feature: using Visual Search and Perceptual Discrimination Tasks to Understand Face Categories and the Cross-Race Recognition Deficit // Journal of experimental Psychology. 2000. Vol. 129. № 4. P. 559–574.
 22. Liberman A. M., Harris K.S., Hoffman H.S., Griffith B.C. The Discrimination of speech sounds within and across phoneme boundaries // Journal of experimental psychology. 1957. Vol. 54. № 5. P. 358–368.
 23. Lingyun Z., Tong M.H., Cottrell G.W. Information Attracts Attention: A Probabilistic Account of the Cross-Race Advantage in Visual Search // Proc. 29th Ann. Cognitive Science Conf., 2007. P. 749–754.
 24. Malpass R.S., Kravitz J. Recognition for faces of own and other race / Journal of Personality and Social Psychology. 1969. Vol. 13. № 4. P. 330–334.
 25. Meissner C.A., Brigham J.C. Thirty Years of Investigating The Own-Race Bias in Memory for Faces: A Meta-Analytic Review // Psychology, Public Policy, and Law Copyright. 2001. Vol. 7. № 1. P. 3–35. doi: 10.1037//1076-8971.7.1.3
 26. Rogers L. Sensory Panel Management: A Practical Handbook for Recruitment, Training and Performance. UK: Woodhead Publishin, 2017.
 27. Shepard J. Social factors in face recognition // Perceiving and remembering faces / G. Davies, H. Ellis and J. Shepard (Eds.). London: Academic Press, 1981. P. 55–79.

28. Valentine T., Chiroro P., Dixon R. An account of the own-race bias and the contact hypothesis based on a “face space” model of face recognition // Cognitive and computational aspects of face recognition: Explorations in face space / T. Valentine (Ed.). London: Routledge, 1995. P. 69–94.

ETHNIC FACE CATEGORIZATION BY RUSSIANS AND TUVINIANS IN DISCRIMINATION TASKS

KHARITONOV A.N.*, *Institute of Experimental Psychology, MSUPE;
Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia,
e-mail: ankhhome47@list.ru*

BASYUL I.A.**, *Institute of Experimental Psychology, MSUPE;
Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia,
e-mail: ivbasul@gmail.com*

ANANIEVA K.I.***, *Institute of Experimental Psychology, MSUPE;
Institute of Psychology RAS, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia,
e-mail: ananyeva@inpsycho.ru*

TOVUU N.O.****, *Tuva Institute for the Integrated Development of Natural Resources,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Kyzyl, Russia,
e-mail: tovu@mail.ru*

The opposite tendencies towards blurring the boundaries of compact living of ethnic groups and of relocation of large groups of strangers into the territories of compact residence of local groups generate a number of specific phenomena connected with the inter-group perception. We conducted a comparative study of perception and communication of transition series of “ethnic faces” among two small-scale isolated populations and representatives of the corresponding ethnic groups in multi-ethnic cities. The participants were to solve two discrimination task, one individually, the AB=X task, the other one, the dual “same-different” task, in dyads. For all samples of subjects, of In the AB=X task, the maximum discrimination efficiency was recorded for the same no. 2–3 pair of transition images series This may indicate that all subjects relied on the morphological features stimulus faces than on anything else. Also a tendency is observed toward similarity in the dynamics of efficiency of task performance in different groups of subjects, with the exception of the sample of Russians from the metropolis. At the same time, in the dyadic experiment, subjects from megacities demonstrate different trends in terms of the maximum efficiency of task performance. The sample of Russian subjects from Mos-

For citation:

Kharitonov A.N., Basyul I.A., Ananyeva K.I., Tovuu N.O. Ethnic face categorization by Russians and Tuvinians in discrimination tasks. *Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental psychology (Russia)*, 2019, vol. 12, no. 4, pp. 120–141. doi:10.17759/exppsy.2019120410

* *Kharitonov A.N.* Candidate of Psychological Sciences, Senior Researcher, Institute of Psychology RAS; Leading Researcher, Institute of Experimental Psychology, Moscow State University of Psychology and Education. E-mail: ankhhome47@list.ru

** *Basul I.A.* Junior Researcher, Institute of Psychology RAS; Junior Researcher, Institute of Experimental Psychology, Moscow State University of Psychology and Education. Email: ivbasul@gmail.com

*** *Ananyeva K.I.* Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Research Fellow, Institute of Psychology RAS; Senior Researcher, Institute of Experimental Psychology, Moscow State University of Psychology and Education; Associate Professor, Department of General Psychology, Moscow Institute of Psychoanalysis. E-mail: ananyeva@inpsycho.ru

**** *Tovuu N.O.* Doctor of Psychology, Chief Researcher, Tuva Institute for the Integrated Development of Natural Resources, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: tovu@mail.ru

cow demonstrates a significantly smaller decrease in efficiency when approaching the edges of the transitional series of stimulus images in the AB=X task, but not in the dual task. This is probably due to different nature of the tasks, i.e. one may easily suppose a more developed ability to perceptually discriminate between ethnic faces resulting from their greater variety in the environment, as in Moscow megacity, whereas it does not seem reasonable to suppose difference in communication skills required to perform the dual task across the samples.

Keywords: categorization, categorical perception, other-race effect, discrimination AB=X task, discrimination same-different dual task, face recognition, ethnic face, small-scale populations.

Funding

The study was performed as part of state assignment No. 25.3916.2017/ПЧ “Cross-cultural determinants of cognitive-communicative processes”.

References

1. *Ananyeva K.I., Basyul I.A., Tovuu N.O., Kharitonov A.N.* Pertseptivnaya kategorizatsiya v interpretatsii rezul'tatov parnogo eksperimenta po identifikatsii lits raznykh ras [*Perceptual categorization in the interpretation of the results of a pair experiment to identify people of different races*] / *Psikhologicheskiye i psikhoanaliticheskiye issledovaniya 2015–2016 [Psychological and psychoanalytic studies 2015–2016]* / Pod red. A.A. Demidov. – M.: Moskovskiy institut psikhoanaliza, 2016. P. 226–235. (In Russ)
2. *Ananyeva K.I., Basyul I.A., Kharitonov A.N.* Izostaticheskiye okulomotornyye patterny pri zritel'nom vospriyatii lits svoey i drugoy rasy [*Isostatic oculomotor patterns in the visual perception of the faces of the self's and the other's race*] // *Eksperimental'naâ psihologîâ [Experimental Psychology (Russia)]*, 2017. V. 10. № 4. P. 133–147. doi:10.17759/exppsy.2017100409 (In Russ., abstr. in Engl.)
3. *Ananyeva K.I., Kharitonov A.N.* Izobrazheniye i zvuchashchiy tekst v zadache identifikatsii lits predstaviteley raznykh ras [*Image and sounding text in the task of identifying faces of representatives of different races*] // *Litso cheloveka v prostranstve obshcheniya [Human face in the communication space]* / Otv. red. K.I. Ananyeva, V.A. Barabanshikov, A.A. Demidov. M.: Moskovskiy institut psikhoanaliza-Kogito-Tsentr, 2016. P. 13–23.
4. *Ananyeva K.I., Kharitonov A.N., Barminov I.A., Zhegallo A.V.* Effekt kategorial'nosti vospriyatiya pri raspoznanii usrednennykh lits yevropeoidnogo i mongoloidnogo tipov [*The effect of categorization of perception in recognizing averaged persons of the Caucasian and Mongoloid type*] / *Druzhininskiye chteniya: materialy XIV Vseros. nauch-prakt. konf., g. Sochi, 21–23 maya 2015 [Druzhinin's readings: materials of the XIV All-Russian. scientific and practical. Conf., Sochi, May 21–23, 2015]* / pod red. I.B. Shuvanova, S.V. Voronina, V.P. Shuvanovoy, S.A. Baranovoy. Sochi: RITS FGBOU VPO «SGU», 2015. P. 67–70.
5. *Ananyeva K.I., Nosulenko V.N., Samoylenko E.S., Kharitonov A.N.* Kognitivno-kommunikativnaya paradigma B.F. Lomova: Sovremennoye sostoyaniye i perspektivy [*The cognitive-communicative paradigm of B.F. Lomov: Current status and prospects*] // *Psikhologicheskyy zhurnal [Psychological journal]*. 2017. V. 38. № 6. P. 17–29. (In Russ)
6. *Ananyeva K.I., Zhegallo A.V.* Osobennosti razlicheniya lits raznykh ras v mikrointervalakh vremeni [*Differentiation of different race face in micro time intervals*] // *Eksperimental'naâ psihologîâ [Experimental Psychology (Russia)]*, 2019. V. 12, №. 3, P. 63–72. doi:10.17759/exppsy.2019120305 (In Russ., abstr. in Engl.)
7. *Barabanshikov V.A., Lupenko E.A., Shunto A.S.* Vospriyatiye lichnosti cheloveka po izobrazheniyam yego litsa na fotografii i khudozhestvennom portrete [*Perception of the identity of the person depicted in the photo and in the portrait of the face*] // *Eksperimental'naya psihologiya [Experimental Psychology (Russia)]*, 2017. V. 10. № 4. P. 56–73. doi:10.17759/exppsy.2017100405 (In Russ., abstr. in Engl.)
8. *Basyul I.A., Demidov A.A., Diveyev D.A.* Zakonomernosti okulomotornoy aktivnosti predstaviteley russkogo i tuvinskogo etnosov pri otsenke pertseptivnogo doveriya po vyrazheniyam lits [*Regularities of oculomotor activity of Russians and Tuvans in the assessment of perceptual confidence by facial expressions*] // *Eksperimental'naya psihologiya [Experimental Psychology (Russia)]*, 2017. V. 10. № 4. P. 148–162. doi:10.17759/exppsy.2017100410 (In Russ., abstr. in Engl.)
9. *Basyul I.A., Demidov A.A., Diveyev D.A.* Izostaticheskiye okulomotornyye patterny pri otsenke pertseptivnogo doveriya po vyrazheniyam lits // *Eksperimental'naya psihologiya [Experimental Psychology (Russia)]*, 2018. T. 11. №. 4. S. 70–78. doi: 10.17759/exppsy.2018110406 (In Russ., abstr. in Engl.)

10. Caldara R., Rossion B., Bovet P., Hauert C.A. Event-related potentials and time course of the “other-race” face classification advantage // *Neuroreport*. 2004. V. 15. № 5. P. 905–910.
11. Chance J., Turner A., Goldstein A. Development of differential recognition for own-and other-race faces // *Journal of Psychology*, 1982. V. 112, № 1. P. 29–37.
12. Etcoff N.L., Magee, J.J. Categorical perception of facial expressions. // *Cognition*, 1992, 44, P. 281–295.
13. Kharitonov A.N., Ananyeva K.I. Raspoznavaniye litsa i effekt «drugoy rasy» [*Face recognition and the other race effect*] / Litsa cheloveka kak sredstvo obshcheniya: mezhdistsiplinarnyy podkhod [*Human face as a means of communication: an interdisciplinary approach*] // Otv. red. V.A. Barabanshnikov, A.A. Demidov, D.A. Diveev. M.: Kogito-Tsentr; Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2012. p. 145–160. (In Russ.)
14. Kharitonov A.N., Ananyeva K.I., Basyul I.A. Pertseptivnaya kategorizatsiya lits raznykh ras v individual'nom i parnom eksperimente [*Perceptual categorization of persons of different races in an individual and paired experiment*] // *Fundamental'nyye i prikladnyye issledovaniya sovremennoy psikhologii: rezul'taty i perspektivy razvitiya* [*Fundamental and applied research of modern psychology: results and development prospects*] / Otv. red. A.L. Zhuravlov, V.A. Koltsova. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2017. P. 582–589. (In Russ.)
15. Kharitonov A.N., Ananyeva K.I., Basyul I.A. Strategii referentsii v dialogakh ob etnicheskikh litsakh: toposemanticheskiy ekspress-analiz [*Reference strategies in dialogues about ethnic faces: a toposemantic express-analysis*] // *Eksperimental'naya psikhologiya* [*Experimental Psychology (Russia)*], 2018. V. 11. №. 4. P. 125–134. doi: 10.17759/exppsy (In Russ., abstr. in Engl.)
16. Kholodnaya M.A. Kognitivnyye stili: O prirode individual'nogo uma [*Cognitive styles: On the nature of the individual mind*] SPb.: Piter, 2004. (In Russ.)
17. Korolkova O.A., Zhegallo A.V. Effekt kategorial'nosti vospriyatiya ekspressiy litsa: mnogoobraziye proyavleniy [*The effect of categorical perception of facial expressions: the diversity of manifestations*] // *Eksperimental'naya psikhologiya* [*Experimental Psychology (Russia)*], 2012. V. 5. № 2. P. 22–38. (In Russ., abstr. in Engl.)
18. Kun K.S. Rasy Yevropy [*European Races*]. M.: AST, Astrel', 2011. (In Russ.)
19. Levin D. Race as a visual future: using Visual Search and Perceptual Discrimination Tasks to Understand Face Categories and the Cross-Race Recognition Deficit // *Journal of experimental Psychology*, 2000. V. 129. № 4. P. 559–574.
20. Liberman A. M., Harris K.S., Hoffman H.S., Griffith B.C. The Discrimination of speech sounds within and across phoneme boundaries. // *Journal of experimental psychology*, 1957, Vol. 54, № 5, P. 358–368.
21. Lingyun Z., Tong M.H., Cottrell G.W. Information Attracts Attention: A Probabilistic Account of the Cross-Race Advantage in Visual Search / *Proc. 29th Ann. Cognitive Science Conf.*, 2007. P. 749–754.
22. Lupenko E.A. Mezhekul'turnyye razlichiya v opisani i opoznanii lits svoey i chuzhoy etnicheskoy prinadlezhnosti na primere portretnykh izobrazheniy [*Intercultural differences in the description and identification of persons of their own and someone else's ethnicity on the example of portrait images*] // *Eksperimental'naya psikhologiya* [*Experimental Psychology (Russia)*], 2018. V. 11. №. 4. P. 116–124. doi: 10.17759/exppsy.2018110410 (In Russ., abstr. in Engl.)
23. Malpass R.S., Kravitz J. Recognition for faces of own and other race / *Journal of Personality and Social Psychology*, 1969. V. 13, No. 4. P. 330–334.
24. Meissner C.A., Brigham J.C. Thirty Years of Investigating The Own-Race Bias in Memory for Faces: A Meta-Analytic Review // *Psychology, Public Policy, and Law* Copyright. 2001. V. 7. № 1. P. 3–35. doi: 10.1037//1076-8971.7.1.3
25. Rogers L. *Sensory Panel Management: A Practical Handbook for Recruitment, Training and Performance*. UK: Woodhead Publishin, 2017.
26. Shepard J. Social factors in face recognition / *Perceiving and remembering faces*. G. Davies, H. Ellis and J. Shepard (Eds.). London: Academic Press, 1981. P. 55–79.
27. Shvets T.A. Sub'yektivnoye vospriyatiye vozrasta mladshimi podrostkami: kross-kul'turnoye issledovaniye [*Subjective perception of age by younger adolescents: a cross-cultural study*] // *Aktual'nyye problemy psikhologicheskogo znaniya* [Actual problems of psychological knowledge]. 2017. V. 44. № 3. O. 74–89. (In Russ.)
28. Valentine T., Chiroro P., Dixon R. An account of the own-race bias and the contact hypothesis based on a “face space” model of face recognition // *Cognitive and computational aspects of face recognition: Explorations in face space* / T. Valentine (Ed.). London: Routledge, 1995. P. 69–94.